

М. А. Литовская, Е. К. Созина

**ЕКАТЕРИНБУРГ — СВЕРДЛОВСК: ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ
ОБРАЗА ГОРОДА В СВЕТЕ УТОПИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ**

doi:10.30759/1728-9718-2023-3(80)-55-64

УДК 94(470.5):82.0 ББК 83.3(235.55)+63.3(235.55)

В статье рассматривается развитие литературного нарратива о Екатеринбурге — Свердловске, связанного с утопическими проектами организации городской жизни. Субъектом утопии чаще всего выступали административные органы, а словесность оформляла каждый из замыслов, фиксировала приметы его воплощения и эмоциональные реакции городского сообщества. Все новые поколения литераторов, включая в свои тексты наработанные предшественниками образы Екатеринбурга — Свердловска, увлекались идеей «миссии» города, описывали его будничную жизнь и нарастающее недовольство ею. Анализ изменений образа города позволяет прийти к выводу, что Екатеринбург прошел через три витка описаний по сходным векторам. В XVIII — начале XX в. мечты основателей Екатеринбурга об «образце в образцовом мире казенных горных заводов» сменились образом города — «живого узла», а затем изображением его как обычного провинциального города. С середины 1920-х гг. в литературе формируется образ «города Свердлова» — отринувшего прошлое «образцового советского города». Свердловск воспринимается как «город-арсенал», но к концу 1940-х гг. происходит локализация образа любимого обитателями регионального центра. В 1990-е гг. Екатеринбургу прочат судьбу «третьей столицы», но параллельно в литературе развиваются мотивы нарастающей провинциализации и предопределенности судьбы места.

Ключевые слова: *история русской литературы, литература Урала, локальные тексты, образы города, образ Екатеринбурга — Свердловска, город-завод, город-узел, город-арсенал, «третья столица»*

Екатеринбург, подобно многим другим уральским городам, не вырос естественным образом, а строился в соответствии с государственными задачами как центр горнозаводского округа с железоделательным заводом и как крепость, необходимая для защиты завода от набегов окружающих «немирных» народов. Уникальность проекта состояла в том, что он был первым в России «горным городом». ¹ Согласно замыслу одного из его «отцов»-основателей, В. де Геннина, он должен был служить «образцом в образцовом мире казенных горных заводов». ²

¹ Шкерин В. А. Город горный — город идеальный: от Чаух до Екатеринбурга, от замысла до воплощения // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 9–22.

² Корепанов Н. В раннем Екатеринбурге (1723–1781). Екатеринбург, 2001. С. 34. Об утопических проектах городов на Урале см. также: Приказчикова Е. Е. Утопические модели в литературе Урала XVIII в. // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV–XVIII вв. Екатеринбург, 2006. С. 219–224.

Литовская Мария Аркадьевна — д.филол.н., г.н.с. Центра истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: marialiter@gmail.com

Созина Елена Константиновна — д.филол.н., заведующая Центром истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: es8591@yandex.ru

Частично осуществленный утопический проект создания уральской «горнозаводской цивилизации», о которой с пиететом будут писать позже, был в истории города не единственным. Мы исходим из предположения о трех эпизодах утопического государственного планирования: в процессе создания Екатеринбурга в XVIII в., в период социалистической модернизации Свердловска во второй половине 1920-х — 1930-е гг., а также в 1990-е гг., когда вновь переименованный в Екатеринбург город начинает новую жизнь с мечтой о существовании в качестве «третьей столицы». Ни один из проектов не был осуществлен до конца.

Об утопической составляющей в формировании Екатеринбурга — Свердловска писали неоднократно, отмечая такие ее особенности, как незавершенность, сосуществование в городском пространстве последствий разновременных утопических замыслов, противоречивость градостроительных концепций и пр. ³

³ См.: Ильченко М. С. Уралмаш между «наследием» и «утопией»: архитектура авангарда в поисках языков описания // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 4 (114). С. 215–235; Журавлева Н. И., Мельникова С. В. Екатеринбург — Свердловск: трансформация образа города // Человек в мире культуры. 2017. № 2/3 (21). С. 66–70; Кропотов С., Литовская М. Ревитализация утопического в урбанистическом пространстве: случай Екатеринбурга / Свердловска // Obóz. Problemy Narodów Wyłego Obozu Komunistycznego. 2007. № 49, t. 2. S. 73–87; и др.

Мы рассматриваем прямую или косвенную реакцию на эти утопии со стороны словесности, при этом нас интересуют не столько частные случаи отражения того или иного проекта в печати,⁴ сколько общие закономерности переработки художественной литературой соответствующих идей, выявление сценариев «освоения» государственных или административных утопий.⁵

Любой общественный проект нуждается в своих апологетах и одописцах. Литература вольно или невольно поддерживала государственные замыслы, мифологизировала их, фиксировала приметы их воплощения, наконец, эмоционально переживала разочарование, связанное с незавершенностью проекта, предлагая паллиативные замены разрушенной утопии или лирико-драматические рефлексии по ее поводу.

*Проект первый: уникальный
«горный город» vs «пыльная провинция»*

Первое упоминание о Екатеринбурге мы находим в письме В. де Геннина супруге Петра Великого Екатерине Алексеевне от 12 июня 1723 г.: «...зачал при реке Исети, где место сыскал лутчи: воды довольно, и лесов, и руды на многа лета. И около оных заводов зачал крепость делать, чтоб башкиры, наши соседи, не смогли ее разорить. А оную крепость и завод осмелился именовать до указу Катериненбурх, а заводы — Катериненбурхские, в память высокославного имени вашего величества».⁶

Образ горнозаводского Урала был представлен в сочинении де Геннина «Натуралии и минералии», или «Абрисы» (1730–1734), которое легло в основу «Описания Уральских и Сибирских заводов». Вводная глава этого труда «Что есть в Екатеринбурхе и близ оного» описывает Екатеринбурхскую крепость: «большая плотина чрез реку Исеть», «церковь Божия и колокольня», «сибирский обербергамт с конторами», госпиталь, школа, три молотовых,

укладная, стальная, железорезная, жестяная, лудильная, меховая фабрики и пр. «Токмо гор весьма высоких в близости около Екатеринбургх не имеетца», — сетует автор.⁷ Эта особенность ландшафта «горного города», который стоит на горных породах, но не окружен горами, будет не раз отмечаться позднее. Через сто лет неизвестный автор казанского журнала «Заволжский муравей» передаст своеобразие такого «гористого» ландшафта: «Подъезжая к Екатеринбурггу с Московской дороги, путешественник невольно останавливается на горе, чрез которую проходит тракт, и взор его обращается на Екатеринбург и его гористые окрестности».⁸

Так формировалась своего рода рецептивная модель города, в которую со времени первооснователей входит обилие горных даров — сначала необходимой государству руды, позже «самоцветов», которые будут восхищать не одного путешественника, захавшего в Екатеринбург. Ф. М. Достоевскому, в 1859 г. возвращавшемуся из сибирской каторги, город также запомнился каменным промыслом: «В Екатеринбургх... нас соблазнили: накупили мы разных изделий рублей на 40 — четок и 38 разных горных пород, запонок, пуговиц и проч... и, нечего грешить, заплатили ужасно дешево».⁹

К числу характерных примет города путешественники будут относить его «столичность», красоту планировки и некоторых улиц, заводы, особый состав жителей — горных инженеров, чиновников, артиллерийских офицеров, старообрядцев. Город создавался в соответствии с разработанным проектом, заселялся специально подобранными людьми, первое время соблюдались предписанные правила поведения жителей, а потом начинало развиваться поселение, «утопическое ядро» которого оставалось укрепленным преимущественно в архитектурном плане и предании.

Определяющей особенностью Екатеринбурга на долгие годы остается его заводской, промышленный характер. Ф. М. Решетников в романе «Где лучше?» (1868) назвал город Заводском. В нем соединены черты одного из промышленных центров Урала и захолустного провинциального города, где новые социальные практики, например самостоятельная

⁴ См.: Ефремова Е. Н. «Здесь будет город-сад»: утопический образ города в заводской газете Уралмаша // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 57–82.

⁵ Авторы сочли возможным обойти многовековое разветвленное обсуждение содержания понятия утопии, ограничившись, вслед за Б. Ф. Егоровым, пониманием ее как «мечты об идеальной жизни в любых масштабах и объемах», которая может быть воплощена в разнородных текстах о доселе отсутствующих формах организации жизни социума (Егоров Б. Ф. *Российские утопии: исторический путеводитель*. СПб., 2007. С. 6).

⁶ Цит. по: Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. *Старый Екатеринбург: город глазами очевидцев*. Екатеринбург, 2000. С. 14.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ Б. п. *Описание г. Екатеринбурга и его окрестностей* // *Заволжский муравей*. 1834. № 22. С. 448.

⁹ Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*: в 30 т. Л., 1985. Т. 28, кн. 1. С. 361.

трудова́я жизнь одиноких женщин, кажутся его обитателям подозрительной диковинкой, и главной героине приходится уехать в поисках лучшей жизни.

Эти и многие другие дифференцирующие признаки Екатеринбурга собрал вместе Д. Н. Мамин-Сибиряк, ставший историком и летописцем города. «По народной примете, счастливые люди рождаются в сорочке, и мы позволяем перенести это сравнение на Екатеринбург, который в ряду других русских городов занял, с первого дня своего появления на божий свет, совершенно исключительное место»,¹⁰ — так открывается исторический очерк Мамина «Город Екатеринбург», написанный в 1888 г. по заказу екатеринбургского городского головы И. И. Симанова. Город-крепость, город-завод долженствовал стать не только центром горнозаводского дела на Урале, но и «оплотом против башкирских бунтов», поэтому строился «с сказочной быстротой», став средоточием горнозаводской администрации громадной площади. Екатеринбург, подчеркивает Мамин, «был единственным горным городом во всей России, и весь склад его жизни выстроился по специальному уставу», «это было настоящее государство в государстве».¹¹

Мамин неоднократно употребляет по отношению к Екатеринбургу эпитет «сказочный»: «с сказочной быстротой», «сказочный городок», «сказочные богатства Демидова», «сказочные богатыри», «сказочное время». Мифологизация города писателем словно вытекает из искусственного характера его создания. В «сказку» Екатеринбурга входят и военный строй жизни, и единственность его статуса («горный город»), и то, что «горное дело велось самым жестоким образом, как своего рода египетские работы»,¹² и «золотой век», который город пережил в 1830-е гг. Но «золотой век так же быстро оборвался, как и возник, оставив после себя тяжелое похмелье», и «после него для города, — говорит Мамин, — не осталось ничего <...> Екатеринбург от сибирского золота решительно ничего не получил, кроме нескольких развалин».¹³ Однако «развалины» еще долго покоряли воображение и горожан, и приезжих.

С отменой крепостного права «из горного города... на военном положении, он прев-

ратился в обыкновенный уездный город», войдя «в большую семью остальных русских городов».¹⁴ Но важно, продолжал писатель, что Екатеринбург развивается: «Знание и свободный труд должны идти рука об руку, — в этом залог всякого успеха»,¹⁵ и Мамин верит, что Екатеринбург будет двигаться по этому пути.

Екатеринбург является местом действия во многих художественных произведениях Мамина-Сибиряка, но по литературной традиции XIX в. город чаще всего фигурирует в них под вымышленными названиями. Самое известное — «уездный город Узел» в романе «Приваловские миллионы». Родовое гнездо главного героя — Харитоновский дом, «целый замок в помещицьем вкусе»,¹⁶ но Сергей Привалов наблюдает запустение усадьбы без настоящего хозяина.

Смысловой антитезой Узлу в творчестве писателя является Пропадинск. В рассказе «Башка» город предстает тонущим в грязи: «...целое море грязи, в котором уездный городишко Пропадинск растворялся, как брошенная в стакан воды горсть соли».¹⁷ В «Поправке доктора Осокина» Пропадинск дан в более позитивном освещении как «очень чистенький и бойкий городок с двадцатитысячным населением, развитою промышленностью».¹⁸ В целом образ Екатеринбурга (это еще и Бужоём из повести «Нужно поощрять искусство», Сосногорск из рассказов «На лету», «Пир горой», романа «Общий любимец публики», Загорье) создается Маминым на пересечении мотивов скуки, застоя, пошлости, грязи, что было характерно для многих литературных двойников провинциальных городов России, и активности, деловитости, мобильности, обычно приписываемых столицам. За эти черты писатель и любил Екатеринбург, выделяя его из всех «сибирских» (то есть расположенных за чертой Европы–Азии) городов России.

Но ветшают и продаются заводы, которые не могут содержать ни прежние их владельцы (эти процессы показали вслед за Маминым уральские писатели начала XX в. А. С. Погорелов, А. Г. Туркин, И. Ф. Колотовкин и др.), ни государство, — чаще всего они переходят в руки акционерных обществ. Город утрачивает свою уникальность, однако «уездность»

¹⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений: в 12 т. Свердловск, 1948–1951. Т. 12. С. 238.

¹¹ Там же. С. 267.

¹² Там же. С. 276.

¹³ Там же. С. 273.

¹⁴ Там же. С. 276.

¹⁵ Там же. С. 290.

¹⁶ Там же. Т. 2. С. 115, 116.

¹⁷ Мамин-Сибиряк Д. Н. Полное собрание сочинений: в 20 т. Екатеринбург, 2011. Т. 5. С. 30.

¹⁸ Там же. С. 376.

и захолустность Екатеринбург-Пропадинска стремились преодолеть изнутри сами жители. В последние десятилетия XIX в. возникают новые культурные инициативы.¹⁹ Казалось бы, появление театра, публичной библиотеки и т. п. должно было вызвать воодушевление у екатеринбургских литераторов, но они либо используют уже знакомые образы (так, в одном из стихотворений Е. С. Ушковой-Гадмер подчеркивалось пограничное географическое положение Екатеринбурга, с XVIII в. ставшее одной из примет города: «Где цепь Урала разняла / Рука природы прихотливо / И, словно, лентою пролива, / Европу с Азией слила...»²⁰), либо описывают Екатеринбург как столицу «края серых скал и угрюмых, тёмно-зелёных елей» в «сердце каменно-холодного Урала».²¹

С началом нового века возрастает популярность местной фельетонистики. П. Я. Блиновский, В. П. Чекин и многие другие не только высмеивали актуальные проблемы повседневной жизни Екатеринбурга, но в целом иронически переосмысливали образ «суровой родины железа, золота и самоцветов»: «В мозгу шевелился неясный виногрет из скал, кедров, раскольников, соболей, горностаев, горных козлов, невероятного взяточничества и фантастических проявлений “административного восторга” разных больших и маленьких Уральских помпадугов».²² Стоит также вспомнить раздраженный отзыв А. П. Чехова, пересекавшего Урал по дороге на Сахалин: в нем Екатеринбург представлен как неприятный, хотя и типичный провинциальный город («Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула»), но с атипичными жителями («Здесьние люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. <...> Родятся они на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик»²³).

Тенденция к изображению Екатеринбурга как провинции, иногда приятно удивляющей, но чаще раздражающей, сохранилась вплоть

до середины 1920-х гг. несмотря на мощные политические потрясения 1910-х — начала 1920-х гг., когда Екатеринбург в Гражданскую войну оказался на пути враждующих армий, а в 1918 г. стал местом расстрела семьи последнего российского императора, после чего Ипатьевский дом превратился в один из мрачных символов российской истории.

Тем временем заезжие лекторы то дивились неразвитости местной культурной публики, то умилялись ее вниманию к ним.²⁴ Н. Н. Никитин определяет Екатеринбург как скучнейший город «без фантазии», в котором «за смертью его бытописателя Д. Н. Мамина-Сибиряка перевелись... все предания»,²⁵ хотя в городе сохранились и самобытность, и своеобразная красота.

Проект второй: перспективы и будни «города Свердлова»

В середине 1920-х гг. уже переименованная в Свердловск столица огромной Уральской области (1923–1934) переживает второй виток государственного перспективного планирования. Уездный центр, который весь XIX в. развивался, исходя из всплесков торговли, золотодобычи, развития дорог, должен был стать центром Урало-Кузбасского промышленного комплекса и образцовым соцгородом.

В середине 1920-х гг. тексты о переменах в Свердловске основывались уже не на противопоставлении скучной и занимательной провинции, а на конфликте надоевшего старого и небывалого нового. Ленинградец Н. Н. Панов, писавший под псевдонимом Дир Туманный, в поэме «Домик в Свердловске» (1926) нашел для этого противостояния вычурный, но точный образ: «Над чахлым губернаторским прудом / Вскипает жизнь новаторских артерий».²⁶

А. П. Гайдар в 1926 г. в фельетонах «Уральского рабочего» саркастично повествует о бытовых неурядицах Свердловска, но в очерке «3000 вольт» восхищается «деловой напряженностью, простой и четкой, как ток, проходящий через мраморную доску пульта», царящей на первой свердловской электростанции.²⁷

¹⁹ См. об этом: История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. М., 2020. Кн. 1. С. 650–652, 656–659; Беляев С. Е. Ушедший Екатеринбург. Городские картинки // Урал. 2022. № 1. С. 209–214.

²⁰ Стихотворения Елизаветы Головой. Екатеринбург, 1887. С. 4.

²¹ Виноградов С. Лекция-вечер футуристов // Уральская жизнь. 1917. № 85. 22 апр.

²² Чекин В. П. Урал и Приуралье в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка // Урал: сборник Зауральского края, посвященный памяти писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка. Екатеринбург, 1913. С. 11.

²³ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М., 1976. Т. 4. С. 72.

²⁴ См.: Маштакова Л. В. Лекция Федора Сологуба «Россия в мечтах и ожиданиях» на Урале (1916): по материалам архивов и региональной прессы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 3 (200). С. 144–157.

²⁵ Никитин Н. Столица Урала // Россия. Общественно-литературный журнал. 1922. № 2. Сентябрь. С. 9–11.

²⁶ Панов Н. (Дир Туманный). Человек в зеленом шарфе. Вторая книга стихов. 1924–1927. М., 1928. С. 93.

²⁷ Гайдар А. 3000 вольт // Уральский рабочий. 1927. 1 февр.

Поэтическое обоснование выбора Свердловска на роль одного из центров социалистического строительства предложил В. В. Маяковский. В конце января 1928 г. он приехал в Свердловск и под влиянием недолгого визита написал стихотворения «Екатеринбург — Свердловск» и «Император». Поэт создает неожиданный образ соцгорода: тот возникает не на месте горного или уездного предшественника, а из природного хаоса: «Из снегового / слепящего лоска, / из перепутанных / сучьев / и хвои». В Екатеринбурге в прямом смысле слова оборвано и захоронено прошлое России: «у корня / под кедром / дорога, / а в ней — / император зарыт». На краю «могилы» и «встает / новорожденный / город Свѣрдлова».²⁸

Люди Свердловска живут, «как будто / у города / нету / “сегодня”, / а только / “завтра” / и “вчера”»,²⁹ поэт же открывает им глаза на «сегодня», на уникальное место Свердловска в символической географии СССР. Город, поменявший имя, бурно развивается, повинуюсь энергии «заколдованного места» на границе бытия и небытия: из «штольни, дыры, преисподней» Свердловск «поднимает» «полунебо-скребы», «трубки заводов», множит «биржи и тресты», создает «широченный проспект», который «вдруг... обрывает разбег» прямо в небо «расчернее могилы».³⁰

Вслед за Маминым-Сибиряком Маяковский предопределил алгоритм будущего восприятия города, но вместо этнографически точного описания создает абрис места, укладывающийся в формулу «У нас / на глазах / городище родится / из воли Урала, / труда / и энергии».³¹ Вырванная из драматического контекста города на краю могилы, она стала восприниматься как лаконичный и емкий образ Свердловска.

Луи Арагон — участник делегации Международного объединения революционных писателей, приехавшей знакомиться с индустриализацией на Урале, гиперболизирует преобразование города: «Я пишу все это в июле, в Свердловске. Из своего дома я вижу... поражающий меня городской склад строительных материалов. Среди зелени виднеются маленькие деревянные домики, сохранившиеся от прежнего Екатеринбурга, и его единственный памятник

— маленький белый театр, украшенный наверху двумя лирами... Справа возвышается город — не Нью-Йорк, но Свердловск! ...кирпичные дома, все десятиэтажные, целый ряд домов, тянущихся до горизонта... А слева — Дом печати, — трансатлантическая постройка, серо-стальная, бесконечная, почти сплошь состоящая из окон... Дальше все то, что я отсюда не вижу — городские площади, трамваи, небо-скреб, возвышающийся над прудом, государственные магазины, дома рабочих, клубы, ясли, школы, а потом — все то, что я видел за чертой города, — заводы, Машстрой и, наконец, Урал, гигантский промышленный Урал!»³²

Размах промышленного и жилищного строительства Свердловска приводит местных авторов к изображению превращения его в «город солнца» и «город перспективы», где «...простор и свежесть больших пространств, / Солнце, что в городе править будет, / Нам расправят плечи, и выпрямят стан, / И дышать научат полною грудью».³³ На этом грандиозном фоне роман Н. Ловцова «Канал» (1933) о превращении города Яковлевска (он же Свердловск) в порт шести морей выглядит как всего лишь предвосхищение осуществления утопии.³⁴

Впрочем, восторг от грандиозной переделки Екатеринбурга в Свердловск отнюдь не был всеобщим. Б. Л. Пастернак, побывав в Екатеринбурге в 1910-е гг., увидел «чистый и светлый», с удивительными «не то мраморными, не то алебастровыми»³⁵ тротуарами город, каким и вывел его в повести «Детство Люверс» (1918). В 1932 г. Пастернак с семьей оказался в пространстве, где царствует «дикая гомерическая пыль среднеазиатского города, все время перемасливаемого и исковыренного многочисленными стройками»,³⁶ а чуть позже открывшиеся ему нищета, «невообразимое горе, такое страшное бедствие, что оно становилось уже как бы абстрактным, не укладывалось в границы сознания»,³⁷ привели его к бегству с Урала.

²⁸ Арагон Л. Кризис буржуазной Франции. СССР — наше отечество // Литературная газета. 1932. 19 июля. С. 4.

²⁹ Медякова Е. Солнечный город // Рост. 1930. № 4. С. 19, 20.

³⁰ См.: Подлубнова Ю. С. Фантастическое, утопическое и историческое в романе Н. Ловцова «Канал» (1933) // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2013. Вып. 7, т. 2. С. 291–296.

³¹ Пастернак Б. Л. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1991. Т. 4. С. 49.

³² Он же. «Существованья ткань сквозная...»: переписка с Евгенией Пастернак, дополненная письмами к Евгению Борисовичу Пастернаку и его воспоминаниями. М., 2017.

³³ Цит. по: Масленникова З. Портрет Бориса Пастернака. М., 1995. С. 67.

²⁸ Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1958. Т. 9. С. 19, 29, 20.

²⁹ Там же. С. 21.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 22.

В январе 1931 г. приезжал в Свердловск М. М. Пришвин. Он тоже бывал на Урале до революции, восторгался природой и старинным укладом края, но в этот проезд писатель даже не ведет ежедневные дневниковые записи, лишь много фотографирует. Через месяц после возвращения с Урала он признается: «Я так оглушен окаянной жизнью Свердловска, что потерял способность отдавать себе в виденном отчет, правда, ведь и не с чем сравнить этот ужас, чтобы сознавать виденное».³⁸ Урал для Пришвина «ужасный», потому что «люди тут... не для себя, а для Завода».³⁹ В то же время «Уралмашстрой... гигантский завод-втуз, где десятки тысяч людей создают новую жизнь», заставляет его признать, что «в Машинстрое мне было как бы возвращение к юности, когда верилось, что усилием воли можно все переменить».⁴⁰

Маяковский определил характер Свердловска — «работник и воин», Пришвин отметил военный дух гигантских свердловскихстроек и заводов. Великая Отечественная война проверила образцовый соцгород на прочность, и он эту проверку выдержал. К. Г. Мурзиди в диптихе «Утренний Свердловск» предложил три обобщающих образа военного Свердловска — «город-крепость», «славный арсенал», «надежная опора», где круглосуточно в прямом смысле слова «куется победа», «Пуская танки, пробуя моторы, / Испытывая пушки по ночам».⁴¹

С окончанием войны Свердловск превратился в один из бывших тыловых городов, литераторы которого продолжают муссировать образы «особого» места, «труженика верного», города «народной мести» и «отменных мастеров», наконец, «живого узла, которым крепко-накрепко был связан фронт с уральским тылом», «гостеприимного дома» для тысяч эвакуированных. При этом условия жизни в этом «доме» остаются очень трудными.

Неожиданно новый тон в развитии темы города задает П. П. Бажов в повести «Дальнее — близкое» (1949) о приезде на учебу в Екатеринбург конца XIX в. мальчика из «завода». Глазами подростка, гуляющего по городу, Бажов с явной симпатией изображает дореволюционный уклад Екатеринбурга, от-

крыто выражает свою любовь к центру региона, наделенного неоспоримой самобытностью, подчеркивает плодотворность привязанности человека к месту своего жительства.

Совокупными усилиями авторов-свердловчан (Е. Е. Хоринская «Мой город», Б. А. Дижур «Свердловск», И. И. Ликстанов «Зелен камень») создается образ «любимого города» с характерным для него уютом рукотворного городского ландшафта. От довоенного «громядя» планов писатели переходят к изображению «малых дел»: «Асфальт ложился на старый бульжник, вдоль улиц поднимались чугунные фонарики-канделябры, на окраинах строились кварталы новых домов, сменявших обветшавшие бараки».⁴²

Авторам второй половины 1940-х гг. удалось изменить вектор в изображении Свердловска. Образ «екатеринбургской грани» — уникального камнерезного приема, создающего особое преломление света в камне,⁴³ связывается у них с представлениями о том, что самое важное в городской жизни незаметно извне, что город развивается, но его прошлое постоянно проявляет себя в повседневности, что наблюдения за городом делают жизнь горожан содержательнее. Такая тенденция на несколько десятилетий определит изображение Свердловска в литературе Урала.

Стихотворение Г. А. Варшавского «Песня о моем городе», положенное в 1962 г. на музыку Е. П. Родыгина, стало «Свердловским вальсом» — неофициальным городским гимном. Оно не выделялось на общем фоне «оттепельной» поэзии, создававшей образ обаятельного советского мира, предлагая изображение Свердловска, пронизанного «ласковым светом», с вечерними огоньками «знакомых и близких» улиц, окраинных районов с диковинными для несвердловчан названиями — Уктус, Виз, Эльмаш, Втузгородок.

Советская утопия соцгорода растворяется в личном отношении авторов к месту своей жизни: значимые локации, привычные маршруты, дворы, здания, нравы обитателей воссоздаются в стихах, рассказах, повестях дотошно и бережно. Хотя приезжим город по-прежнему не нравится, для «своих» Свердловск является не столько предметом гордости или критики, сколько привычным местом жительства, по своему привлекательным и красивым.

³⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. СПб., 2006. С. 340.

³⁹ Там же. С. 325.

⁴⁰ Там же. С. 334, 338, 341.

⁴¹ Мурзиди К. Г. Утренний Свердловск // Уральский современник. 1943. № 7. С. 39.

⁴² Ликстанов И. Зелен камень. М.; Л., 1949. С. 21.

⁴³ Свердловску — 225 // Уральский современник. 1949. № 14. С. 4.

Вот лишь несколько примеров. Коренной свердловчанин Н. Г. Никонов ценит в Свердловске свою малую городскую родину с до-революционным названием Мельковская слобода: «...прошлое... глядело из каждой подворотни, каждой завитушкой нарядного и уже потемнелого перекошенного крыльца, ржавой биркой страхового общества “Феникс”, прибитой над воротами, старушечьей “файшенкой” — в такой моя бабушка всегда ходила в церковь, даже особым видом этих улиц, с толстыми, наклонно растущими тополями».⁴⁴ В. В. Блинов рассказывает о жизни в районе Монастырской рощи, Г. Ф. Дробиз — о постепенном освоении городского пространства ребенком, подростком, молодым человеком. В памяти детей войны хорошо сохранился военный и послевоенный Свердловск, именно они в деталях запечатлели «танковый город, картофельный тыл».⁴⁵ История города, в том числе города, существующего лишь в памяти очевидцев, проступает через биографии героев — его жителей.

Третий проект: мифология несостоявшейся «третьей столицы»

Третий виток социального утопизма приходится на 1990-е гг., когда вновь в Екатеринбурге набирает популярность амбициозная идея сделать город «третьей столицей».⁴⁶ При всем внешнем прагматизме (мотивировки описывались в терминах экономического эффекта и т. п.) речь опять шла о миссии города, созданного «для чего-то». Это побуждало горожан искать «особость» Екатеринбурга, и литераторы охотно принимали участие в поиске.

Одной из характерных особенностей создания образа Екатеринбурга — Свердловска можно считать периодическую ревитализацию предшествующих утопических идей. Принципиальным отличием третьего по счету проекта города будущего становится осознанная работа с «наследием» — включение «ценного старого» в описание городской среды, проявляющей феномен Екатеринбурга. Установка на обновление прежних образов сменяется открытой демонстрацией уже существующих представлений о городе с последующим острашением выявленной «традиции».

⁴⁴ Никонов Н. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Екатеринбург, 2006. Т. 1. С. 355.

⁴⁵ Никулина М. Бабыя трава: стихи. Свердловск, 1987. С. 122.

⁴⁶ См.: Соболева Е. Г. Формирование мифа «Екатеринбург — третья столица» в текстах СМИ // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2006. Вып. 2. С. 95–102.

В изображениях Екатеринбурга, начиная с 1990-х гг., можно заметить две ведущие тенденции.

Первая — подчеркивание уникальности города как центра удивительного региона. Майя Никулина в книге «Камень. Пещера. Гора» (2002) исходит из того, что жизнь в уральских городах, возникших вокруг заводов, упорядочивалась заводами настолько, что они в воображении жителей региона связываются с мифами о творении. В документальной книге Алексея Иванова Екатеринбург — в прошлом один из центров уникальной «горнозаводской цивилизации» — закладывает принципы существования постсоветского «лихого и безбашенного, стихийно-мощного» города 1990–2000-х, «склонного к резким поворотам и крутым решениям».⁴⁷

Авторы предлагают разгадки тайны города, обнаруживая в повседневной, малоинтересной, на первый взгляд, жизни Екатеринбурга скрытые пружины действия, в том числе через «фантазмагорические интерпретации городской повседневности».⁴⁸ Ольга Славникова, сетуя на трудности в изображении пространства ее родного города, признает, что, хотя «“бажовские” артефакты — крупные клубни на корнях власти»,⁴⁹ привычно, до надоедливости используются в оформлении городской среды, необходимо осмыслять глубинное влияние мифологии знаменитого свердловчанина на жизнь горожан. В романе «2017» (2005) городская реальность «безликой» и «неприбранной “рифейской столицы”» соотносится с «миром горных духов» Бажова и советским образом «закрытого города». В результате взаимодействия открывается пространство, избранные обитатели которого усвоили предписанную им идентичность особенных «рифейских» людей, наделенных «долгой горноуральской памятью» о правилах жизни древней земли и умением хранить их как тайну.

В романе Валерия Исхакова «Екатеринбург» (2004) акцент сделан на проявлении возможностей литературного переосмысления типового промышленного города. Свердловск зауряден, и повествователь принимает на себя функции творца городской мифологии.

⁴⁷ Иванов А. В. Ёбург. М., 2016. С. 12.

⁴⁸ Коваленко Л. А. Образ Свердловска / Екатеринбурга в русской прозе 2000–2010-х годов: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2019. С. 18, 20.

⁴⁹ Славникова О. А. Верхний и нижний пейзажи Екатеринбурга // Новое литературное обозрение. 2000. № 5 (45). С. 295.

Опираясь на предания о создании города, он силой воображения наделяет Свердловск способностью скрывать в себе «несуществующий, фантастический Екатеринбург», достойный описания в романе, — не осуществленную наяву мечту одного из отцов-основателей города В. Н. Татищева.⁵⁰

Алексей Сальников в романах «Отдел» (2015), «Петровы в гриппе и вокруг него» (2017), «Опосредованно» (2019) прозревает то хтонический ужас, то метафизическую высь и глубину екатеринбургской рутины с ее болезненной «бледной депрессивной тоской» «города-дыры». Образ изнуряющего Екатеринбурга не уникален, но Сальников способен увидеть за унылой обыденностью праздник. Это может быть фантастический элемент (вторжение инопланетян) или диковатые герои в романе «Оккультрегер» (2022), где описывается подвижническая деятельность Прасковьи — медиатора между верхним и нижним мирами по гармонизации городской среды. Странные персонажи словно приходят на смену «рифейцам» Славниковой, их задача — удержать равновесие городского мира, фантастичность не мешает им испытывать те же чувства, что и люди, защищать свою среду от инородного зла.

«Город-призрак», «город-голем», «холодный, как смерть»⁵¹ Екатеринбург — Свердловск в поэзии живет под своими двумя именами, превращая индустриальное прошлое в мифологизированное настоящее, нередко отсылающее к известным образам литературной традиции, с которой незазорно вступить в полемику. Сергей Нохрин не только напоминает читателю о строках Маяковского («У этого города нету традиций, / бульвара, дворца, фонтана и неги... / Над городом — трубы, над трубами — птицы, / под городом — трубы, под трубами — реки»), но и отчасти иронически, отчасти сочувственно травестирует их: «Мой бедный отец, мой подвыпивший отчим / дымы через трубы пускает со свистом / Идут через ночь то танкист за рабочим, / а то работяга идет за рабочим. <...> Ты сам превратился в подобие знака / из воли, Урала, труда и энергии. / Твой голос потерян, твой лик обезличен, / Ты призрак, мираж, отражение в колодце».⁵² Мотив миражности Екатеринбурга естест-

венным образом относит нас к Петербургу, за которым благодаря Достоевскому закрепился образ-миф призрачного города, а вместе с тем перекликается с «рифейской» мифологией Бажова, Славниковой, с мистическими «помощниками» героев у Сальникова. Новые смыслы и образы города словно снимаются со старых негативов, обретающих новое толкование и хранящих память о прежнем: «...медленно входит в живой человеческий мозг / железной занозой индустриальный Свердловск».⁵³

Вторая тенденция — представление города как некоего типичного места, индивидуальные особенности которого проявляют универсальные черты любой нестоличной городской среды. Таковы, например, произведения «Человек, который знал все» Игоря Сахновского (2007), «Завидное чувство Веры Стениной» (2015), «Девять девяностых» (2014), «Горожане» (2018) Анны Матвеевой, «Страна ОЗ» (2015) Андрея Ильенкова и Василия Сигарева и многие другие. Екатеринбург — Свердловск имеет свои достоинства и недостатки, которым не придается отрицательного значения однообразной провинциальности, типового убожества: нестоличность — это всего лишь характеристика административного статуса населенного пункта.

Баланса между полюсами универсальности и уникальности в образе города достигает Борис Рыжий, которому удалось принципиально обновить образ Свердловска. Уроженец Челябинска, он с 1980 г. жил на свердловском Вторчермете. Благодаря Рыжему этот район с его «темными подъездами», «хмурыми ребятами», грязной речкой, где гудят и свистят «слева фабрики, справа заводы», возник на поэтической карте мира. «Промышленной зоны красивый и первый певец»⁵⁴ воссоздает детали городской среды, но образ обитателя «лабиринта фабричных дворов» Вторчермета важен для Бориса Рыжего еще и потому, что «старенький двор в нехорошем районе» — это сцена, где разыгрывается вечная человеческая комедия, которую лирический герой эмоционально наблюдает, не являясь при этом полноценным ее участником.

К середине 2010-х гг. становится окончательно ясно, что проект «третьей столицы» закрыт. Признание того, что «в целом Екатеринбург — серый, страшный, мощный, огромный

⁵⁰ Исхаков В. Э. Екатеринбург: роман. Екатеринбург, 2004. С. 4.

⁵¹ Касимов Е. Казино доктора Брауна. Екатеринбург, 2006. С. 274, 277, 281.

⁵² Екатеринбург: антология поэзии. Екатеринбург, 2003. С. 596, 597.

⁵³ Расторгуев А. Дом из неба и воды: стихи, поэмы. Екатеринбург, 2006. С. 141.

⁵⁴ Рыжий Б. В кварталах дальних и печальных... М., 2012. С. 484.

город, в котором не очень весело жить»,⁵⁵ свидетельствует не столько о разочаровании в городе, сколько о признании силы противника, не поддающегося однозначным толкованиям. Множество современных авторов продолжают искать ключ к загадке места, где им выпало жить.

За три столетия существования Екатеринбурга о нем написана не одна сотня литературных текстов, и, конечно, живую литературную историю невозможно без потерь схематизировать, но анализ развития образа Екатеринбурга — Свердловска в литературе убеждает в наличии по крайней мере трех этапов описаний города по сходным векторам.

На первом этапе воплощенные в документальные тексты мечты основателей Екатеринбурга об образцовом центре казенных горных заводов сменяются сначала образом реального уральского города как «живого узла» восточной России, затем — изображением его как бойкой, но в основном разочаровывающей провинции. Во второй половине 1920-х гг. государственная идея советского Свердловска обогащается характеристикой его как «города», рожденного «из воли Урала, труда и

энергии». Образ кующего победы «города-арсенала» закрепился в литературе, но уральским литераторам ближе оказалась тема Свердловска как регионального центра, неброскую уникальность которого понимают в первую очередь любящие его обитатели. В 1990-е гг. идея «третьей столицы», с одной стороны, побуждает создавать образ удивительного места жизни особенных «рифейских людей», а с другой — драматически предчувствовать невозможность для города преодолеть его провинциальную судьбу.

Предания о задуманном, но так до конца и не осуществленном образцовом поселении, как и новые проекты по переустройству городской среды, постоянно циркулируют в символическом пространстве Екатеринбурга — Свердловска — Екатеринбурга, подталкивая все новые поколения литераторов вовлекаться в «дискурсивные битвы», дополнять и пересоздавать устоявшиеся образы города. Утопические идеи, лежащие в основе недовозмозженных городских проектов, будят воображение, апроприация искусством очередного государственного фантазматического всплеска приводит в конечном счете к обогащению представлений о меняющейся живой жизни города.

Maria A. Litovskaya

Doctor of Philological Science, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: marialiter@yandex.ru

Elena K. Sozina

Doctor of Philological Science, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: es8591@yandex.ru

EKATERINBURG — SVERDLOVSK: LITERARY METAMORPHOSES OF THE CITY IMAGE IN THE LIGHT OF UTOPIAN PROJECTS

The article discusses the development of a literary narrative about Ekaterinburg — Sverdlovsk, associated with utopian projects for the organization of urban life. The subject of utopia was most often the administrative bodies, and framed each of the ideas, recorded the signs of its implementation and the emotional reaction of the urban community. All new generations of writers, including in their texts the images of Ekaterinburg — Sverdlovsk developed by their predecessors, were carried away by the idea of the city's "mission", described its everyday life and growing dissatisfaction with it. An analysis of changes in the city image leads to the conclusion that Ekaterinburg went through three "turns" of descriptions along similar vectors. In the 18th — early 20th the Ekaterinburg founders' dreams about "a model in the model world of state-owned mining plants" were replaced first by the image of the city as a "living knot", and then by its image as an ordinary provincial city. Since the mid-1920s, the image of the "city of Sverdlov" has been formed in literature — a "model Soviet city" that rejected the past. Sverdlovsk is perceived as an "arsenal city", but by the end of the 1940s, the image of the regional center beloved by the inhabitants was localized. In the 1990s, the fate of the "third capital" was predicted for Ekaterinburg, but in parallel,

⁵⁵ Казарин Ю. В. О жизни и творчестве Бориса Рыжего // Дистопия. 2021. 15.01. URL: <https://dystopia.me/o-zhizni-i-tvorchestve-borisa-ryzhego> (дата обращения: 12.04.2023).

the motives of increasing provincialization and the predestination of the fate of the place were developing in the literature.

Keywords: *history of Russian literature, literature of the Urals, local texts, images of the city, image of Ekaterinburg — Sverdlovsk, factory city, city-knot, city-arsenal, “third capital”*

REFERENCES

- Efremova E. N. [Here Will Be a Garden-City: Utopian Image of a City in the Uralmash Plant Newspaper]. *Quaestio Rossica*, 2015, no. 4, pp. 57–82. DOI: 10.15826/QR.2015.4.126 (in Russ.).
- Egorov B. F. *Rossiyskiye utopii: Istoricheskiy putevoditel'* [Russian Utopias: Historical Guide]. Saint Petersburg: Iskusstvo–SPb Publ., 2007. (in Russ.).
- Ilchenko M. S. [Uralmash between “Heritage” and “Utopia”: Avant-Garde Architecture in Search of Descriptive Languages]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture* [Emergency Reserve. Debate about Politics and Culture], 2017, no. 4 (114), pp. 215–235. (in Russ.).
- Istoriya literatury Urala. XIX vek: v 2 kn.* [History of Literature of the Urals. 19th Century: in 2 books]. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK Publ., 2020. (in Russ.).
- Korepanov N. *V rannem Ekaterinburge (1723–1781)* [In Early Ekaterinburg (1723–1781)]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2001. (in Russ.).
- Kovalenko L. A. *Obraz Sverdlovsk/Ekaterinburga v russkoy proze 2000–2010-kh godov: avtoref. kand. diss.* [The Image of Sverdlovsk/Ekaterinburg in Russian Prose of the 2000–2010s: Abst. Diss. Cand.]. Ekaterinburg, 2019. (in Russ.).
- Kropotov S., Litovskaya M. [Revitalization of the Utopian in the Urban Space: the Case of Ekaterinburg/Sverdlovsk]. *Obóz. Problemy Narodów Bylego Obozu Komunistycznego* [Camp. Problems of the Nations of the Former Communist Camp], 2007, no. 49, vol. 2, pp. 73–87. (in Russ.).
- Mashtakova L. V. [Fyodor Sologub's Lecture Russia in Dreams and Expectations in the Urals (1916): With Reference to Archival Materials and Regional Press]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2020, vol. 22, no. 3 (200), pp. 144–157. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.3.049 (in Russ.).
- Maslennikova Z. *Portret Borisa Pasternaka* [The Portrait of Boris Pasternak]. Moscow: Pristsel's, Ruslit Publ., 1995. (in Russ.).
- Podlubnova Yu. S. [The Fantastic, Utopian and Historical in N. Lovtsov's Novel “Canal” (1933)]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* [Literature of the Urals: History and Modernity]. Ekaterinburg: izd-vo Ural. un-ta Publ., 2013, iss. 7, vol. 2, pp. 291–296. (in Russ.).
- Prikazchikova E. E. [Utopian Models in the Literature of the Urals of the 18th Century]. *Literaturnyy protsess na Urale v kontekste istoriko-kul'turnykh vzaimodeystviy: konets XIV — XVIII vv.* [Literary Process in the Urals in the Context of Historical and Cultural Interactions: End of the 14th — 18th Centuries]. Ekaterinburg: UrO RAN; ID “Soyuz pisateley” Publ., 2006, pp. 209–239. (in Russ.).
- Shkerin V. A. [Mining City — Ideal City: from Chaux to Ekaterinburg, from Conception to Implementation]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2022, vol. 24, no. 2, pp. 9–22. DOI: 10.15826/izv2.2022.24.2.021 (in Russ.).
- Slavnikova O. A. [The Upper and Lower Sceneries of Ekaterinburg]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Observer], 2000, no. 5 (45), pp. 294–304. (in Russ.).
- Soboleva E. G. [Formation of the Myth “Ekaterinburg — the Third Capital” in the Texts of the Media]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'* [Literature of the Urals: History and Modernity]. Ekaterinburg: In-t istorii i arkheologii; ID “Soyuz pisateley” Publ., 2006, iss. 2, pp. 95–102. (in Russ.).
- Zhuravleva N. I., Melnikova S. V. [Ekaterinburg — Sverdlovsk: the Transformation the Image of the City]. *Chelovek v mire kul'tury* [Man in the World of Culture], 2017, no. 2/3 (21), pp. 66–70. (in Russ.).

Для цитирования: Литовская М. А., Созина Е. К. Екатеринбург — Свердловск: литературные метаморфозы образа города в свете утопических проектов // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 55–64. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-55-64.

For citation: Litovskaya M. A., Sozina E. K. Ekaterinburg — Sverdlovsk: Literary Metamorphoses of the City Image in the Light of Utopian Projects // Ural Historical Journal, 2023, no. 3(80), pp. 55–64. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-55-64.